„Отче святый, соблюди ихъ во имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты мнѣ далъ, чтобы они были едины, какъ и Мы“.

Въ этомъ мистическомъ единствѣ Царствія Божія заключается окончательный смыслъ всѣхъ нравственныхъ требованій Евангелія, въ томъ числѣ и заповѣди „непротивленія злому“. Въ этомъ царствѣ, гдѣ у человѣка нѣтъ своей жизни, отдѣльной отъ Бога и отъ другихъ людей, никто не долженъ утверждать себя, какъ обособленную *личность*, а потому всѣ должны прощать личныя обиды;—не противиться злому, а подставлять лѣвую щеку тому, кто ударитъ по правой. Но если во имя всеединства, ради любви къ Богу, я не долженъ сопротивляться дѣлающему *мнѣ* зло, то та же заповѣдь, очевидно, неприложима къ тѣмъ случаямъ, когда зло причиняется другимъ людямъ. Тотъ же долгъ любви, тотъ же идеалъ всеединства, который въ однихъ случаяхъ заставляетъ меня подставлять щеку подъ ударъ, въ другихъ случаяхъ требуетъ, чтобы я силой воспрепятствовалъ убійству или покушенію на честь женщины.

Ошибка Толстого—въ томъ, что онъ утверждаетъ заповѣдь непротивленія злу, какъ *безусловное нравственное начало*, которое выражаетъ собою сущность и смыслъ христіанскаго ученія о Царствіи Божіемъ. Между тѣмъ въ подлинномъ христіанскомъ жизнепониманіи этому принципу принадлежитъ значеніе подчиненное и ограниченное. Онъ не есть цѣль самъ по себѣ, а лишь *средство* для утвержденія мистическаго начала всеединства въ человѣческихъ отношеніяхъ.

Зломъ съ христіанской точки зрѣнія является не всякое насиліе, какъ такое, а только то, которое противно духу любви. Ставъ на эту точку зрѣнія, Соловьевъ въ „Трехъ разговорахъ“ успѣшно доказываетъ несостоятельность тѣхъ возраженій Толстого противъ государства, которыя ссылаются на заповѣдь непротивленія злу. Доводы „генерала“ въ первомъ разговорѣ тутъ, очевидно, имѣютъ существенное значеніе. Существованіе башибузуковъ, поджаривающихъ на огнѣ христіанскихъ младенцевъ, оправдываетъ необходимость мірской организаціи, которая обуздываетъ человѣка-звѣря силою вещественнаго оружія.

Говоря словами Соловьева, безусловно неправымъ должно быть признано самое начало зла, какъ такое, а не тѣ или другіе способы борьбы съ нимъ, какъ мечъ, война и принудительныя мѣры государственной власти. Словомъ, Соловьеву нетрудно доказать